

**ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СТРАНАХ МАГРИБА И ЕГО
ПОЛИТИЗАЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ АЛЖИРА)**

Л.Н. Ямпольская

Харьковский национальный педагогический университет
имени Г.С. Сковороды (Украина)

Этноконфессиональные конфликты являются дестабилизирующим фактором в системе современных международных отношений. Этническая и религиозная гетерогенность, фрагментарный характер восточных обществ, экономическая отсталость, слабость демократических институтов, дискриминация нетитульных этносов, религиозных общин, борьба локальных элит за приоритетный доступ к экономическим ресурсам и укрепление режима личной власти спровоцировали межнациональные противоречия в странах мусульманского Востока. Катализаторами межэтнической и межконфессиональной напряженности во второй половине XX – начале XXI ст. стали крах колониальных империй, а затем и авторитарных режимов, которые обеспечивали за счет силового давления стабильность в регионе. «Берберская проблема» в странах Северной Африки до сих пор остается недостаточно изученной, несмотря на свое обострение на рубеже XX – XXI вв. в Алжире, поставившее под угрозу вопрос о территориальной целостности государства.

Исходя из контекста указанной проблематики, задачами нашего исследования являются: определение сущности «берберского вопроса» в странах Магриба, анализ причин политизации этнического фактора в постколониальном Алжире в 60-х гг. XX – начале XXI ст. и последствий этнополитического курса государства – противопоставления «берберского партикуляризма» исламскому фундаментализму.

Начиная с древности, этническое и конфессиональное разнообразие считалось характерной чертой североафриканского региона, а распространенная метафора «Магриб – перекресток («пограничье») культур» находит многочисленные подтверждения на протяжении всей его истории [1; 4; 8]. Население современных стран Магриба (Алжира, Туниса, Марокко, Ливии) в процессе исторического развития сформировалось из нескольких этнических групп, наиболее ранними из которых были берберы, принадлежащие к ливийской группе семито-хамитского корня. Впервые автохтонное население Магриба упоминается в древнеегипетских источниках конца IV тыс. до н.э. под названием «техену». Берберами (от лат. barbarus – варвары) греки называли тех, кто не владел греческим языком; самоназвание

берберов – «амазиг» (от лат. amazigh – «свободный человек») [6, с. 54]. Общая численность берберов в наше время составляет, по разным статистическим данным, от 20 до 40 млн. человек [7, с. 123]. Наиболее компактными местами их проживания являются горные районы стран Северной Африки. В современном Алжире берберское население проживает группами в отдаленных географических районах: горном массиве Орес на востоке страны (племена шавийя); горной области Кабилия (кабилы) – к востоку от столицы страны; пустынной области Мзаб (мозабиты) – в северных районах Сахары; в южных регионах Сахары (туареги). В наше время берберы составляют около 19% всего алжирского населения (2,3 млн. чел.), занимая второе место после арабов. Самая многочисленная берберская группа в Алжире – кабилы (2/3 берберского населения страны) [6, с. 55].

В контексте развития берберской идентичности целесообразно расставить акценты на следующих аспектах. В эпоху арабизации и исламизации (VII – XV вв.) еще не было оснований затрагивать вопрос о «берберском самосознании», поскольку противостояние берберских племен центральной «арабской» власти не носило характера собственно этнического конфликта [3, с. 78]. В период французской колонизации Алжира (1830-е – 1950-е гг.) модернизация традиционных обществ, распространение французского языка и культуры, западного образа жизни, привлечение к французской социально-экономической и административной системе стали главными направлениями эволюции этнических и конфессиональных меньшинств, что нашло отражение в «берберской политике».

После окончания франко-алжирской войны (1954-1962 гг.) и достижения Алжиром суверенитета кабийская буржуазия, защищая франкоязычное культурное достояние как наследие колониализма, стояла на позициях «франкофонии», провозглашая приоритет французского языка над арабским [5, с. 85]. Президенты Алжирской Республики Ахмед Бен Белла (1963-1965 гг.) и Хуари Бумедьен (1965-1976 гг.) проводили политику ограничения прав и свобод берберского населения: все проявления его культурного наследия подвергались суровым запретам, начался процесс ускоренной арабизации. Арабский язык получил статус официального, были отменены курсы по этнологии в высших учебных заведениях как «поддерживающие берберскую пропаганду» [5, с. 90].

Политизация «берберского вопроса» в Алжире получила новый виток в начале 80-х гг. XX в., когда в Париже был создан «Фронт освобождения берберских племен в странах Магриба». Его программа декларировала создание независимых берберских государств в районах компактного проживания этноса в Алжире, Марокко и Мавритании [12]. В университетах Алжира и Тизи-Узу прошли студенческие демонстрации, положившие начало «берберской весне». Президент страны Шадли Бенджедид (1979-1992 гг.), осуждая этнический сепаратизм, все же вынужден был пересмотреть позицию правящих структур: начиная с 1982 г., проблемам языка, культуры и

фольклора берберов стали уделять больше внимания в образовательных программах высших учебных заведений страны. На V съезде правящей в стране партии Фронта национального освобождения (ФНО) в декабре 1983 г. власти официально признали роль берберов в качестве «предков современных алжирцев». На этой платформе возникла влиятельная общественная организация – Берберское культурное движение (БКД).

«Берберский вопрос» стал приобретать также политическую направленность, связанную со стремлением к реваншу старой кабийской франкоязычной буржуазии, пострадавшей в результате государственного курса 60-х – 70-х гг. XX ст. на арабизацию [10, р. 87]. Нейтрализовать «берберизм» как националистическое течение «помог» стремительный выход на политическую арену Алжира исламистских движений. Сущность политического курса Ш. Бенджедида в 80-х – начале 90-х гг. XX в. заключалась в «уравновешивании» берберского партикуляризма и исламского фундаментализма [11]. В январе в 1992 г., с целью не допустить к власти радикальную партию Исламский фронт спасения (ИФС), победившую в первом туре парламентских выборов, армия осуществила государственный переворот, аннулировав результаты выборов и отправив в отставку Ш. Бенджедида. В тот период, когда фундаменталисты объявили о том, что все, «кто не захочет признать выбор народа в декабре в 1991 г., будут казнены во имя спасения Алжира» [6, с. 70], Кабилия оставалась единственным форпостом борьбы с исламизмом, создав «отряды самообороны» [9].

Активизация берберского движения привела к тому, что, согласно новой Конституции Алжира 1996 г., «берберизм» был признан одной из основ алжирского социума наравне с «арабизмом» и исламом, что положило начало созданию юридической базы для восстановления прав этой этнической общности [2]. Активисты Вооруженного берберского движения и Альянса за свободную Кабилию выдвинули президенту страны Абдель Азизу Бутефлика Эль-Ксарскую программу о предоставлении официального статуса берберскому языку наравне с арабским, выводе правительственных вооруженных формирований из Кабилии, принятии плана социально-экономического развития региона, гарантии демократических прав и свобод берберскому населению [6, с. 71]. Значительное содействие алжирским берберам оказал Всемирный конгресс Амазиг (ВКА), созданный во Франции 4 сентября в 1995 г. – первая организация, выступившая за признание национальных прав берберов в международном масштабе.

В контексте «арабских революций» 2010-2011 гг. и затяжных гражданских войн в странах Арабского Востока возникает вопрос о том, орудием в чьих руках может выступить «берберизм» в Алжире, Тунисе, Марокко, Ливии? Будет ли способной официальная власть направить берберский национализм против исламского фундаментализма, который занимает прочные позиции, особенно в Алжире [см. 8; 10-11]; воспользуются

ли фактором «берберской бомбы» западные спецслужбы, направив оппозиционные силы против правительственных структур?

Анализ «берберской проблемы» в странах Магриба, на примере Алжира, позволяет сделать следующие выводы. После пережитого под воздействием «этнического ренессанса» шока от нереализованных «либеральных ожиданий» политические элиты мусульманских государств были убеждены в том, что модернизация общества «притормозит» политизацию этничности. Однако «взорванная этничность» вылилась в широкие автономистские движения и этнические конфликты. Итогом первого наступления этничности стал отказ от ассимиляционной стратегии построения культурно гомогенных обществ (процесс арабизации и наступление на права берберов в постколониальном Магрибе). Второй пик политизации этничности в регионе совпал с развитием процессов глобализации и коллапса социалистической модели развития (90-е гг. XX в.): процессы либерализации, сокращение масштабов социального неравенства между стратами стали катализаторами этнической фрагментации Магриба.

Список литературы

1. Жюльен Ш.-Андре. История Северной Африки: В 2-х т. – Т.2. Тунис. Алжир. Марокко. От арабских завоеваний до 1830 г. / Ш.-Андре Жюльен; пер. с фр. М.Е. Аничковой. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 423 с.
2. Конституция Алжирской Народно-демократической Республики с изменениями, принятыми на референдуме 28 ноября 1996 год [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/53>].
3. Миронова В.И. Алжир: проблема берберского меньшинства / В.И. Миронова // Ближний Восток и современность. – Вып. 16. – М., 2002. – С. 76-84.
4. Народы мира. Этнографические очерки. Народы Африки / Под ред. Д.А. Ольдерогге, И.И. Потехина. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 730 с.
5. Омар А. Западноевропейское политико-культурное влияние на развитие стран Магриба в новейшее время и этнокультурный фактор / А. Омар. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1994. – 285 с.
6. Сапронова М.А. «Берберский вопрос» в странах Магриба / М.А. Сапронова // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / Под ред. А.В. Торкунова; сост. В.Я. Белокреницкий, М.А. Сапронова. – М.: МГИМО МИД РФ, 2005. – С. 54-76.
7. Сергеев М.С. Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее / М.С. Сергеев. – М.: Асти-Издат, 2003. – 214 с.
8. Aissati el Abderrahman. A socio-historical perspective on the Amazigh (Berber) cultural movement in North Africa / Abderrahman el Aissati // Africa Focus. – Vol. 18. – 2005. – № 1-2. – P. 59-72.
9. Akbar A. Kabyle Berbers, AQIM and the search for peace in Algeria / Ahmed Akbar, Martin Frankie [On-line resource. Access mode: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2013/02/201321913479263624.html>].
10. Forstag B. Berber identity and the crisis of Algerian nationalism / Ben Forstag // Journal of International Service. – 2008. – № 6. – P. 84-99.
11. Phillips J. Effects of desertification on Arab-Berber relations / Jon Phillips [On-line resource. Access mode: <http://www1.american.edu/ted/ice/berber.htm>].
12. The politics of identity: A Berber spring in Algeria? [On-line resource. Access mode: <http://www.fairobserver.com/article/politics-identity-berber-spring-algeria>].